

Затаив дыхание, Ханна смотрит, как дверь спальни со скрипом открывается. На пороге появляется молодая женщина с пристальным взглядом, одетая в платье минувшей эпохи.

— Не бойтесь, Ханна, — произносит она, затворяя за собой дверь. — Я не сделаю вам ничего дурного.

— Кто ты?

Ханна пятится прочь от девушки и вжимается в стену. В мыслях мелькает леденящая душу догадка...

— Меня зовут Элеанор Уэйверли. Добро пожаловать в Косую усадьбу, — девушка сухо улыбается.

— Ты... ты Элеанор Уэйверли? То есть та самая Элеанор Уэйверли?

— Боюсь, что так. У вас, должно быть, миллион вопросов ко мне...

— Да, ты можешь сказать... — Ханна начинает тараторить. Она боится, что девушка перед ней исчезнет, а вместе с ней исчезнет и шанс на спасение брата.

— И я сделаю все возможное, чтобы ответить на них, — продолжает Элеанор, — но я должна попросить вас быть терпеливой. Все еще есть так много того, что я не понимаю в этом месте... Само его существование...

Элеанор замолкает и с грустью смотрит на свою гостью.

— Скажи мне, как я здесь оказалась.

Ханна наконец отлипает от стены и делает несколько шагов навстречу девушке.

— Ах, это... Кажется, мой младший брат Саймон напугал вас, и вы упали с лестницы, ударившись головой. Я подняла вас наверх и уложила в постель. Надеюсь, вы не против.

— Вовсе нет... — Ханна тяжело вздыхает и садится на край двуспальной кровати. Вдруг до нее доходит: — Ты несла меня?

— Да, я так и сказала. Вы точно в порядке?

Элеанор стоит неподвижно, сцепив руки в замок. Она выглядит действительно обеспокоенной.

— Думаю, да. Я просто... — Ханна пытается подобрать подходящее слово, и наконец находит, что сказать, — не ожидала.

— Я не такая хрупкая, какой кажусь, Ханна.

— Ладно... А где я?

— В Косой усадьбе, разумеется, — все так же формально отвечает Элеанор.

— Да, но... в каком времени?

— Это более сложный вопрос. Я знаю, что в вашем мире этот дом лишь тень его прежнего настоящего, — спокойно объясняет девушка.

— В моем мире? — Ханна удивленно хлопает ресницами. — Так... мы в другом измерении?

— Я не знаю, Ханна. Я предпочитаю думать об этом месте как о воспоминании, — отвечает девушка с грустью в голосе. — Остальной мир продолжал двигаться, а мы оставались прежними.

Ханна тяжело вздыхает, собираясь с силами задать, наверно, самый важный вопрос:

— Тогда ответь... Кто же ты?

— Вам подобные называли бы меня привидением... И я полагаю, что так и есть. Но... я не ощущаю себя привидением.

— А кем ты себя ощущаешь?

— Той, кем была при жизни... Вот только кажется, что чего-то не хватает, словно я свернула куда-то не туда. Я чувствую себя... потерянной. Забытой... — Элеанор делает короткую паузу, тяжело вздыхает и проводит руками по своей длинной рыжевато-русой косе. А потом вдруг поднимает на Ханну пристальный взгляд и говорит своим обычным формальным тоном: — Теперь ваша очередь отвечать на вопросы.

Такая быстрая перемена в лице и голосе девушки немного пугает. Ханна вздрагивает и удивленно смотрит на собеседницу:

— Ладно...

— Тогда начнем с простого... Почему вы здесь?

Ханне не за чем врать. Она надеется, что Элеанор согласится помочь ей разобраться если не во всем, то во многом.

— Я хочу больше узнать о жизни после смерти. Мне нужно изучить все, что известно о... привидениях.

— Значит, вы не боитесь находиться здесь? — в голосе Элеанор проскальзывают нотки удивления. — Вы хотели встретиться со мной?

— Ну, я не стану притворяться, что это немного необычно... Но да... Я пришла сюда по собственной воле. Я надеялась встретить тебя и твоих родных.

— Почему, позвольте спросить?

Элеанор уже не пытается скрыть своего удивления. Она действительно сбита с толку. До Ханнэ этим местом интересовались самые разные люди, но все они либо считали, что привидений не существует, либо до смерти пугались и не могли произнести ни слова при встрече с хозяйкой усадьбы.

Ханна отвечает не сразу. Она просто не знает, что сказать. И вместо ответа поворачивает голову к окну и смотрит на заснеженную территорию Косой усадьбы. От увиденного ее бросает в дрожь, но девушка старается не подавать виду.

— Это... это сложно.

Когда Ханна вновь смотрит через заиндевевшее окно, она видит все ту же темную фигуру, притаившуюся среди деревьев на краю участка Уэйверли. Она видит застрявшие в шее осколки и горящие ненавистью глаза.

— Джонатан! — восклицает Ханна, вскакивая с кровати, на краю которой только что сидела.

Ее брат тает в деревьях, оставляя Ханну смотреть на бесконечно белый океан. Элеанор приближается и встает перед девушкой. Она кладет свою руку на ее плечо. Ханна вздрагивает.

— Я думаю, что понимаю. Вас преследовал призрак еще до того, как вы пришла сюда.

Голос Элеанор звучит так умиротворяюще спокойно... И выражение ее лица смягчается, становится сочувствующим.

— Элеанор... это то, почему я должна узнать больше о тебе, о твоём мире. Иначе я никогда не смогу помочь своему брату. Просто... позволь мне остаться здесь. Пожалуйста... Я обещаю, что не доставлю тебе неприятностей.

Девушка хмурит брови, а потом легко улыбается.

— Следуйте за мной.

— Куда мы идем?

— Я устрою вам грандиозную экскурсию. После всего... если вы собираетесь остаться здесь, то должны хорошо узнать дом.

Ханна спешит за Элеанор, боясь отстать от нее, когда девушка скрывается за дверь.

— Получается, ты разрешаешь мне остаться?

— Конечно, — отвечает Элеанор с улыбкой. — У нас давно не было посетителей, да и я не против хорошей компании.

Они идут по длинному коридору. На стенах, через равные промежутки, встречаются витые канделябры, в каждом по две зажженных свечи. Ханна с любопытством рассматривает обстановку начала двадцатого века, ей становится любопытно, кто зажигает и гасит эти многочисленные свечи. Наверное, Элеанор. Больше некому... Ханна следует за хозяйкой усадьбы на лестничную площадку большого фойе, и задыхается при виде знакомой комнаты, восстановленной в былом ее великолепии.

— О господи! Здесь так красиво! — гостя не в силах сдержать восторга. Она видела руины, а теперь может оценить первозданную красоту этого места. — Каково было расти здесь?

— Я выросла не здесь. Ну, не совсем... Мы покинули Англию, когда мне было пятнадцать.

— Должно быть, это было трудно, — произносит Ханна, стараясь придать голосу сочувствующую интонацию. Сама она родилась и выросла в Брейдвуде, в нем же и осталась после окончания школы.

— Я, конечно, бросила многое и почти не закатывала истерик. Хотя тогда переезд казался мне настоящей трагедией. Но со временем мне здесь понравилось, по своему, — честно отвечает Элеанор и даже улыбается. — Все же... я хотела бы увидеть Англию снова, прежде чем...

Элеанор замолкает, отворачиваясь от собеседницы, чтобы продолжить спускаться по лестнице.

— Но не будем об этом, — в ее голосе слышится тоска.

— Извини...

— Не извиняйтесь. Это не ваша вина.

Вдруг откуда-то снизу до них донесся глухой звук, как будто что-то упало.

— Что это было? — Ханна вытягивает шею, стараясь всмотреться в темный длинный коридор, начинающийся на другом конце фойе.

Мгновение Элеанор выглядит испуганной, но затем встревоженное выражение ее лица сменяет усталая улыбка.

— Ничего, о чем вам следует беспокоиться.

— Хорошо, как скажешь... Когда я смогу встретиться с остальными членами твоей семьи?

— Очень скоро... но есть кое-что, что вы должны знать, — твердо говорит девушка, поворачиваясь к Ханне и сцепляя руки в замок.

— Что именно?

— В отличие от меня, мои братья и сестра не знают, что они...

— Что они что? — шепотом переспрашивает Ханна, боясь услышать ответ.

— Мертвы.

— Что? Почему ты не сказала им?

— Я... не смогла. Мне очень жаль, Ханна. Это просто... так мучительно.

— Но почему ты не рассказала им?

— Как вы можете такое спрашивать? — Элеанор смотрит на Ханну сверкающими от негодования глазами.

— Что ты имеешь в виду?

— Простите, я не должна была срываться на вас... Возможно, вам трудно вообразить, какого это жить, зная, что все вокруг ненастоящее. Поверьте мне, Ханна, невежество — это блаженство. Я и подумать не могу о том, чтобы лишить их этого. Вы можете остаться, но вы не должны говорить ничего, что может расстроить детей. Не говорите о том, откуда вы, или на

что похож мир за этими стенами... Просто позвольте детям быть детьми. Это все, о чем я прошу вас, Ханна.

— Хорошо, Элеанор. Я ничего не скажу. Обещаю.

— Нам нужно придумать объяснение тому, кто вы и почему вы здесь, — Элеанор подносит ладонь к подбородку и гладит его указательным пальцем. На ее лице застывает задумчивое выражение. Наконец она радостно восклицает: — Я знаю! Я представлю вас как нашу новую гувернантку. Есть ли у вас такой опыт?

— Ну.... В старшей школе я подрабатывала нянькой...

— Отлично. Разницы почти никакой, вот увидите. Саймон единственный, кто действительно нуждается в уходе. Кларисса и Томас достаточно взрослые, чтобы за ними присматривать.

— Это твои родные, верно?

— Да, им четырнадцать и двенадцать. А Саймону только восемь. Они ждут в гостиной, если вы готовы с ними встретиться.

Элеанор уже собирается вести Ханну к детям, но вдруг замирает и окидывает ее оценивающим взглядом.

— Хотя будет лучше, если вы переоденетесь во что-нибудь другое.

— Что не так с моей одеждой? — не понимает Ханна и вертится, осматривая свою красную рубашку в мелкую белую клетку, купленную на распродаже в дорогом магазине.

— Ничего такого! — Элеанор выставляет руки в извиняющемся жесте. — Она очень симпатичная, но... не из нашего времени.

Ханна вздыхает и подносит руку к подбородку. Если дети не знают, что они застряли вне времени, то мне не стоит появляться перед ними в такой странной одежде...

— Хорошо, тогда что мне надеть?

— Дайте-ка подумать...

Элеанор несколько секунд задумчиво рассматривает девушку, а потом разворачивается на каблуках и идет обратно к лестнице. Ханна следует за ней на второй этаж, к дверям незнакомой комнаты. Они входят внутрь. Комната похожа на ту, в которой очнулась Ханна.

Такая же двуспальная кровать с балдахином, пара кресел, массивный шкаф, зеркало во весь рост, тяжелые занавески на окне и витая навесная люстра. Элеанор распахивает дверцы гардероба и ищет подходящее платье.

— У меня должно быть платье, которое вы сможете надеть... — бормочет она, рассматривая наряды минувшей эпохи. — В конце концов, у нас примерно один размер.

Наконец она вытаскивает темно-фиолетовое платье с элегантным белым воротником и протягивает его Ханне.

— Это должно подойти. Я оставляю вас ненадолго, чтобы вы смогли переодеться.

С этими словами девушка выходит из комнаты. Ханна вытягивает перед собой руки, чтобы рассмотреть предложенное ей платье. Такое она точно никогда не носила: длинное, из тонкой приятной на ощупь ткани. Да и вообще платья она забросила носить сразу же после школьного выпускного.

Ханна быстро расстегивает пуговицы на рубашке, снимает с себя джинсы. Вскоре все ее вещи летят на удачно подвернувшееся кресло. Девушка натягивает платье. Оно немного узко в бедрах и плечах. Все-таки фигуры у них разные, может быть, идеальная осанка Элеанор тоже играет свою роль. Ханна застегивает передние пуговицы, критически рассматривая свое отражение в зеркале. Она ожидала, что девушка даст ей что-то похожее на собственный наряд: тяжелое платье в пол скромное на украшения. Хотя в таком Ханна смотрелась бы еще нелепее. Ей, типичной американке, далеко до аристократических нарядов уроженки Англии.

«Я не создана для прошлой эпохи», — вздыхает девушка и снимает неудобное платье. Не задумываясь о том, ради чего она вообще переодевалась в одежду начала прошлого столетия, Ханна с удовольствием влазит в потертые джинсы и свою родную рубашку.

Когда Элеанор возвращается, чтобы проверить свою гостью, она замирает на пороге:

— Почему вы еще не надели платье, которое я вам дала?

— Я чувствовала себя в нем странно... Было бы хорошо, если бы я просто застряла здесь в том, что у меня есть.

Элеанор выглядит расстроенной, но не сопротивляется:

— Я полагаю, мы просто скажем, что там, откуда вы родом, все так одеваются...

— Спасибо...

Ханна облегченно вздыхает. Меньше всего ей хотелось бы, чтобы любимые кроссовки потерялись где-то вне времени.

— Вы готовы встретиться с детьми?

— Да... Думаю да, — в ее голосе звучат нотки сомнения. — Веди меня, — добавляет Ханна уже увереннее.

Элеанор ведет ее обратно, вниз по лестнице. Из просторного фойе они попадают прямоком в гостиную, где трое младших Уэйверли сидят в ожидании. Ханна узнает Саймона, мальчика с игрушечными солдатиками, и он смущенно отводит глаза, когда они встречаются взглядами.

— Дети, это... — начинает Элеанор, но ее перебивает молодая девушка в простом голубом платье.

— Мы знаем, кто она! Она точно такая, какой ее описывал Саймон!

— Разве я не говорил, что ее одежда была странной? — вливается в разговор тот самый мальчишка, из-за которого Ханна упала с лестницы.

— Саймон, не будь таким грубым! — торопливо одергивает младшего брата Кларисса. Ханна замечает, что и Кларисса, и Саймон так сильно похожи на Элеанор.

Другой мальчик, Томас, сощуривает голубые глаза и с подозрением смотрит на Ханну.

— Она сама по себе странная. Так кто ты?

Ханна мысленно ругает себя за то, что согласилась играть роль няньки. Она думала, что детей в начале прошлого века воспитывали намного лучше, чем сейчас. Но как выясняется, особой разницы нет. В интонации Томаса ни слышится ни грамма уважения. Ханна даже не знает, что ему ответить. Но к счастью, на помощь приходит Элеанор:

— Это Ханна. Она ваша новая гувернантка. И я ожидаю, что вы отнесетесь к ней с величайшим уважением.

Очевидно, последние слова относятся к Томасу. Ханна смотрит на него из-за плеча Элеанор, мальчик выглядит возмущенным. Он словно не слышит старшую сестру.

— Гувернантка? Я не нуждаюсь в гувернантке... Я почти такой же взрослый, как и она!

Девушка мысленно закатывает глаза. Она в двенадцать не была такой: играла себе в куклы и



читала сказки. Конечно, во времена Уэйверли дети быстро вырастали, но не настолько же! Какой-то двенадцатилетний мальчишка утверждает, что такой же взрослый. Ханна бы уже задохнулась от возмущения, но она крепко держит себя в руках и старается лучезарно улыбаться. Еще не хватало, чтобы этот наглый мальчишка помешал ее планам...

— Кроме того, ты уже заботаешься о нас, Элеанор! — поддерживает брата самый младший Уэйверли.

Ханна просто уже не может стоять в стороне. Она прекрасно понимает, что если сейчас промолчит, то вполне возможно, что отправиться обратно в свое время.

— Эй, вы разве не собираетесь дать мне хотя бы один шанс? Может быть, мы станем лучшими друзьями. Кто знает....

Саймон застенчиво смотрит в пол:

— Простите меня, мисс Ханна.

— А я не стану извиняться, — подхватывает Томас и враждебно смотрит на Ханну. — Мне уже двенадцать! Я сам могу о себе позаботиться.

— Томас! — Кларисса одергивает его, а затем поворачивается к госте: — Ханна, простите моего брата за его манеры... Я, например, очень рада встретить другую леди, с которой можно поговорить.

— Тебе не хватает меня? — расстроенно спрашивает Элеанор.

— Ах... — Кларисса спохватывается, что сказала лишнее, но слишком поздно.

Ей на помощь приходит младшенький:

— Ты больше похожа на нашу маму!

Элеанор тяжело вздыхает.

— Прекрасно. Теперь вы можете понять, почему я нуждаюсь в отдыхе.

Девушка смотрит на Ханну, ища поддержки и сочувствия.

— Да, эти дети настоящее наказание!

— Полностью согласна. Но... теперь их воспитание на вас, — Элеанор хитро улыбается.

— Эм, мы еще здесь, знаете... — сконфуженно говорит Кларисса, но старшая сестра перебивает ее.

— О, мы знаем. В любом случае, вам троим пора спать.

— Ну, Элеанор! — обиженно бормочет Саймон. — Почему нам нельзя немного задержаться?

Элеанор расслабляется, ее хмурый взгляд сменяется улыбкой.

— Я полагаю, что все будет в порядке... если только ненадолго. Ханна, — девушка поворачивается к госте, — не хотите помочь с приготовлением горячего сидра для детей?

— Конечно.

Позже Ханна и Элеанор приносят в гостиную три кружки с дымящимся сидром. Дети ждут на диванчике у окна.

— Спасибо, мисс Ханна! — радостно благодарит Саймон, забирая свою кружку.

— Лучше просто Ханна, — девушка улыбается в ответ. Она поворачивается к сидящему рядом Томасу и протягивает ему сидр.

— Спасибо, — тихо говорит мальчик и смущенно отводит взгляд.

— Ты только что сказал «спасибо»? Мне не послышалось? — Элеанор изображает удивление. — Какое редкое удовольствие.

Томас утыкается в свою кружку и что-то недовольно бормочет под нос.

— Элеанор, почему у нас больше никогда не бывает какао по вечерам? — спрашивает Кларисса. Ханна видит, как Элеанор отворачивается от ничего не знающих детей, а ее глаза тускнеют.

— Ну... в последние дни его трудно найти.

— Ох, это очень плохо... Я любила, когда мама и папа разрешали нам оставаться допоздна и...

— Да, прекрасно, но давай больше не будем говорить об этом, — резко обрывает ее Элеанор.

Ханна же стоит в стороне и наблюдает за тихим семейным вечером. Наверное, таких вечеров у этих детей было много, очень много...

— Хорошо... Извини, — Кларисса виновато опускает глаза.

— Все в порядке, Кларисса. Ханна, если вы хотите отдохнуть, я могу уложить детей, — предлагает девушка. — Я знаю, у вас был... тяжелый день.

— Да, спасибо, — растерянно отвечает Ханна. — Могу я остаться в той комнате наверху?

— Конечно, я отведу вас.

Через несколько секунд Элеанор выводит Ханну из гостиной обратно в фойе и понижает голос до шепота:

— Есть еще одна деталь, которую я должна сказать вам о Косой усадьбе...

— В чем дело? — Ханна старательно скрывает свое нетерпение. На самом деле ей хочется узнать все об этом загадочном месте. Вряд ли одной маленькой детальки будет достаточно, чтобы утолить ее любопытство.

— Что бы вы ни услышали, никогда не покидайте вашу комнату после темноты. Вы меня поняли? — строго говорит девушка, как будто перед ней стоит ребенок.

Ханну так и тянет спросить, что будет, если она все же покинет комнату. Но сдвинутые брови Элеанор и поджатые губы заставляют ее передумать.

— Хорошо, — соглашается девушка, борясь со своим любопытством, — не покидать комнату после темноты. Поняла.

— Я рада, что мы поняли друг друга, — выражение лица Элеанор тут же смягчается.

— Да... Я тоже...

Они останавливаются возле знакомой двери.

— Спокойной ночи, Ханна, — произносит девушка, легко кивая.

— Спокойной ночи...

Ханна входит в комнату и закрывает за собой дверь. Теперь ей нельзя выходить отсюда до рассвета. Девушка падает на кровать прямо в одежде и смотрит в потолок. Сегодня она так и не узнала, где находится кабинет отца семейства Уэйверли, а следовательно, и его дневник. Но сейчас ее занимают совсем другие мысли. Поведение Элеанор показалось девушке очень странным, и еще это правило...

Я схожу с ума? Или это действительно происходит? И как я могу заставить Элеанор рассказать, почему она и ее родные застряли здесь?.. Полагаю, сначала нужно заслужить ее доверие... Лучше постараться не нарушать ни одно из ее правил.

Так Ханна еще долго лежит в темноте, пока не отвлекается на любопытный звук...

Кто-то плачет?..

Она напрягает слух, и этот звук снова доносится до ее ушей... Низкое, скорбное причитание эхом разносится по коридору.

Это Элеанор?

Ханна встает с кровати и в нерешительности топчется перед дверью своей спальни.

Элеанор сказала, не покидать свою комнату после темноты... Но если кто-то угодил в неприятности?

Она становится на колени, чтобы заглянуть в замочную скважину, но не видит ничего, кроме пустого коридора.

Похоже, что на горизонте чисто.... И плач становится все громче. Ну все, я сваливаю отсюда!

Ханна выходит в коридор и тихо прикрывает за собой дверь. Она следует за звуком через всю усадьбу, шагая по одинаковым, словно близнецы, коридорам. Вниз по лестнице, через фойе... углубляясь в сердце дома, дальше, чем казалось возможным.

Насколько это место большое?

Наконец Ханна выходит в длинный коридор, заканчивающийся одинокой дверью... Ее покрывают многочисленные цепи, скованные ржавыми замками.

Что за?..

Чем ближе она к загадочной деревянной двери, тем громче становится плачь... Когда Ханна

подходит к двери совсем близко, звук перестает напоминать плачь, он становится похожим на жалобные вопли раненого зверя.

То, что издает эти звуки, вероятно, за этой дверью...

— Эй, там кто-нибудь есть?!

В ответ раздаются лишь тихие рыдания, сопровождаемые тошнотворной тишиной... Кажется, что из комнаты выкачали весь воздух. В ушах раздается звон.

Внезапно дверь начинает покачиваться, а из-за дверной рамы вырываются языки пламени и тянутся прямо к лицу девушки.

— О нет!

Ханна испуганно отпрыгивает, но огонь не перестает вырывается из-под запертой двери. Вдруг чьи-то пальцы скользят вверх по ее руке и дергают за запястье...

<http://tl.rulate.ru/book/35689/774366>